

HISTORY OF MEDICINE

ИЗ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ

УДК 614.25+94(37)

СТАТУС ВРАЧА В РИМСКОМ АНТИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ

© *Ольга Александровна Джарман, Галина Львовна Микиртичан*

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский Государственный Педиатрический Медицинский Университет»
Минздрава России. 194352, г. Санкт-Петербург, ул. Литовская, 2

Контактная информация: Ольга Александровна Джарман — к.м.н., старший преподаватель, кафедра гуманитарных дисциплин и биоэтики. E-mail: olwen2005@gmail.com

РЕЗЮМЕ: Отношение к медицине и к носителям медицинских знаний в Древнем Риме представляло собой уникальное явление. По мере того, как Рим устанавливал свою власть над большей частью Средиземноморья, греческая культура, а вместе с ней и греческая медицина, проникала в Вечный Город, при этом носителями искусства врачевания были как рабы и вольноотпущенники из покоренных народов, так и свободные греки, прибывавшие в столицу. Слой рабской интеллигенции в Риме был весьма значительным. Особое место занимали врачи-вольноотпущенники, приносящие своей практикой доход своим бывшим хозяевам. Отношение к греческим врачам в римском обществе было неоднозначным и часто полярным. Статус врачей в Римской империи был весьма различен, что связано как с их происхождением (от обученных рабов до сыновей местной эллинистической элиты), так и с отсутствием в античности сертификации профессии врача. При этом положение любого врача было заведомо ниже любого римского чиновника, так как он, с точки зрения римлян, был просто высококвалифицированным ремесленником. С другой стороны, знание медицины было частью хорошего общего образования мальчиков римской элиты. Профессиональный уровень тех, кто в античном мире оказывал медицинскую помощь, был неодинаков. Врачи порой использовали административные социальные лифты и становились государственными служащими как в качестве городских и придворных архиатров и военных врачей, так и на не-медицинских должностях, однако Асклепиад Вифинский и Гален стяжали славу и высокое социальное положение именно в качестве врачей. Римское право частично регламентировало деятельность врачей, в том числе, гарантировало освобождение врачей от налогообложения и военной службы. Существовали профессиональные группы врачей, членство в которых обеспечивало врачам поддержку со стороны коллег. Статус врача в Римской империи значительно отличался от такового в Древней Греции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Древний Рим; античность; статус врача; правовая регламентация врачебной деятельности; античная интеллигенция.

STATUS OF PHYSICIAN IN ANCIENT ROMAN SOCIETY

© *Olga A. Jarman, Galina L. Mikirtichan*

Saint-Petersburg State Pediatric Medical University. Litovskaua str, 2. Saint-Petersburg, Russia, 194100

Contact Information: Olga A. Jarman — PhD, Senior Lecturer, Department of Humanities and Bioethics. E-mail: olwen2005@gmail.com

ABSTRACT: The way the medicine and physicians were treated in Ancient Rome was in a certain

sense unique. As Rome was developing its domination in the most parts of Mediterranean region, both Greek culture and Greek medicine were permeating into Urbs Aeterna, with slaves, freedmen and free men who arrived to the capital as physicians from occupied countries. The strata of slave intelligentsia was quite feasible in Rome. A special position was held by freedmen, whose practicing allowed a good income for their ex-masters. The attitude to Greek physicians in the Roman society was ambiguous and contradictory. The status of physicians in the Roman Empire was very different, depending on their background (from educated slaves to children of local Hellenistic elite) and also on the fact that there were no certification for medical profession in ancient times. The social status of a physician was lower than that of any Roman magistrate, as the physician, according the Roman point of view, was no more than a highly qualified artisan. On the other hand, knowledge of medicine was the part of good education of a boy that belonged to Roman elite. The professional level of those who delivered medical aid was different in the Greco-Roman world. The physicians were using sometimes administrative and social elevators in order to get to state service as city archiatroi and palatine archiatroi as well as military doctors and tried their hand in non-medical positions in establishment; however, Asclepiades of Bithynia and Galen achieved their glory and high social status due to their medical performance. Roman law in a certain degree regulated the physicians' activities, including guaranteeing immunity of taxes and military service. There were professional groups of physicians, membership in which allowed them support of their colleagues. The status of physician in the Roman Empire was substantially different from that one in Ancient Greece.

KEY WORDS: Ancient Rome; Greco-Roman world; status of the physician; juridical regulation of medical activity; Greco-Roman intelligentsia.

Медицина в научном смысле слова появилась у римлян сравнительно поздно. Для царившей долгое время римской народной медицины характерно было смешение врачевания и религиозных ритуалов. По мнению римского государственного деятеля, ученого-энциклопедиста и историка Гая Плиния Старшего (23–79 н.э.), автора знаменитой «Естественной истории», Рим более 600 лет существовал «если не без медицины, то без врачей» [6]. В Древнем Риме самостоятельно развивались только такие области знания как история, риторика и законодательство, в то же время науки и искусства не являлись чем-то оригинальным и представляли собой подражание греческой культуре. Это же касается и медицины.

Однако, уже в сравнительно раннюю эпоху, римляне понимали значение общих санитарных мероприятий. Так, один из древнейших сводов римского обычного права — закон Двенадцати таблиц (451–450 до н.э.) запрещал погребение и сожжение трупов внутри города. Постройка канализации («Cloaca Maxima») и водопроводной сети относится к древней эпохе. Закон регулировал также погребение о душевнобольных («Demens» и «Furiosus»); «Царские законы» («Lex Regia») воспрещали погребение беременных («Paritura»).¹ Несмотря на

то, что римское политическое и военное взаимодействие с греческим миром датируется только концом IV — началом III в. до н.э., культурные и торговые контакты существовали задолго до этого. По мере того, как римская армия завоевывала или брала под контроль греческий мир, римская культура всё более о-гречивалась, будь ли это литературное заимствование греческих легенд и даже греческих пьес, импорт греческих статуй и мебели, или прием на работу греческих врачей.

С древних времен было принято, что лечением своих домашних занимался сам глава римской фамилии «pater familias» — свободный римлянин, владелец земли и рабов. Специальных врачей в хозяйстве не держали. В хозяйстве pater familias сформировались традиционно римские представления о здоровье и методах лечения. Хотя италийские хозяйства часто располагались в болотистой местности, римляне исстари считали, что легче предупредить болезнь, чем заниматься лечением, и лучшим лекарством считали физический труд [4]. Pater familias, заинтересованный в здоровых работниках, одновременно распоряжался и ле-

¹ В римских пандектах (сводах решений древних римских юристов, имевших силу закона) содержится закон (lex regia), приписываемый Нуме Помпилию (715–

673 до н.э.), по которому воспрещалось под страхом наказания хоронить женщину, которая умерла, будучи беременной, прежде чем не будет извлечен плод путем кесарева сечения. Кто поступит вопреки этому, тот рассматривается как уничтоживший вместе с беременной надежду на появление живого существа.

карствами в своем хозяйстве. Он должен был знать не только, как излечить поврежденное дерево или занемогшую овцу, но и помочь в случае нужды заболевшему работнику, оказать первую помощь (при ожогах, бытовых травмах и т. п.), а также вознести молитву к богам семейного или общественного алтаря. Обычно это были средства, испытанные в крестьянской практике, в число которых входили сало, масло, чистая овечья шерсть и лечебные травы [6, 7]. Основными источниками по ранней римской медицине служат труды цензора Марка Порция Катона² и Плиния Старшего. Трактат Катона охватывает все стороны ведения хозяйства в поместье: от вспахивания до лечения рабов и животных. В медицине Катона использовались, в основном, лекарственные травы, а также заклинания, заговоры и ритуалы, например, описание средств от желудочных и кишечных глистов, состоящих из цветков граната, укропа, ладана, меда, дикого майорана и вина, заканчивается указанием пациенту залезть на квадратный столбик и спрыгнуть 10 раз, перед тем, как идти на прогулку. Резко контрастируя с медициной Гиппократом, основанной на элитарности священного искусства и необходимости советоваться с настоящим врачом, средства лечения Катона доступны всем. Целительная сила находится в лекарстве и в сопровождающих его прием действиях, а не в особом осмотре врача, эти заклинания и лекарства мог использовать любой — от главы семейства до пастуха-раба. По своему содержанию, это типичная народная медицина, какой она представлена во многих обществах и культурах.

Римские иностранные завоевания привели к ввозу рабов в Вечный Город. Вначале это были люди из соседних областей, такие же нецивилизованные, как и сами римляне. Позже, когда завоевания стали более обширными, рабы, привозимые в Рим, были более образованы. Они научили своих господ приемам врачебного искусства, а также занимались лечением римской семьи. Среди них не всегда были настоящие врачи, часто только лекари, низший медицинский персонал, так как свои

знания они получили не путем систематического обучения, а наблюдая и помогая более старшему рабу, который занимался этим до него. Тем не менее, они стали совершенно необходимыми для своих господ, поэтому каждый римский гражданин, состояние которого позволяло ему содержать большое количество рабов, считал своим долгом обзавестись подобного рода рабом-врачом («*servus medicus*»). Возможно, однако, что его медицинское искусство было более высоким, чем у местных римских лекарей, если этот раб по происхождению был из Греции, где медицина, как наука, уже установилась, и он обучался медицине там. В больших поместьях, латифундиях, где было множество рабов, над рабами-врачами начальствовал, возможно, человек, которого упоминают надписи, как «*superpositum medicorum*». Можно также предположить, что некоторых рабов обучали медицине для прибыли, так как цена раба-врача была значительно выше, чем обычного. Однако их статус был определен рабским положением — они были полной собственностью купившего их *pater familias*, главы римской семьи.

С течением времени к рабам-врачам добавились врачи-рабы, то есть, врачи-пленники, обращенные в рабство во время завоеваний [3].

В период Римской империи (с 31 г. до н. э. до 476 г. н. э.) произошло подчинение Риму всей ойкумены — «населенной земли», в которую входили как глубоко эллинизированные области, еще ранее завоеванные Александром Македонским (с середины III века до н. э.), так и области, подвергшиеся эллинизации незначительно, или совершенно неэллинизированные, такие как трансальпийская Галлия и Британия.

Образованные римляне были восхищены культурой покоренных народов, и в первую очередь это относилось к грекоязычной культуре.

Однако немаловажной чертой было то, что «покоренный» на языке римлян практически означал — «обращенный в рабство». Сотни тысяч рабов с греческого востока наполнили виллы и дома знатных римлян. Римские учителя, врачи, музыканты, художники, танцоры почти все без исключения были греками. Все эти категории рабов находились в относительно привилегированном положении по сравнению с сельскими рабами, которые подвергались жестокой эксплуатации. Можно сказать, что греки монополизировали «интеллигентные» профессии. Слой рабской интеллигенции в Риме, особенно в последние годы существования республики, был особенно многочисленным, а вклад,

² Катон Старший, Марк Порций, (234 — ок. 148 до н. э.), писатель, основоположник римской литературной прозы и видный государственный деятель Древнего Рима. Был крупным землевладельцем и, являясь римским сенатором, отстаивал интересы своего сословия, а также интересы крупных торговцев и аристократов, занимавшихся предпринимательской деятельностью. Автор трактата «О сельском хозяйстве» (ок. 160 до н. э.) — самого раннего руководства, содержащего медицинскую информацию на латинском языке.

внесенный греками-рабами в создание римской культуры, весьма ощутимым.³

К середине I века до н.э. иметь у себя грека-врача стало само по себе особым знаком обеспеченности и престижа, правилом хорошего тона. Несмотря на то, что в римском доме врачи-греки обычно относились к классу рабов или вольноотпущенников, безусловно, роль этих людей была более значительна, чем роль рабов-врачей. Свободная практика такого специалиста представлялась рабовладельцу весьма доходной, поэтому рабов-специалистов за определенную плату стали отпускать на свободные заработки. Некоторые из них получили свободу от своих господ в благодарность за удачное лечение или из-за своей близости к хозяину; после этого они, в качестве «врачей-вольноотпущенников» («*medici liberti*»), пользовались уже некоторой самостоятельностью, которая делала для них возможной врачебную практику и давала им средства для жизни [5].

Врач-вольноотпущенник был обязан бесплатно лечить своего бывшего владельца, его семью, рабов и друзей и отдавать ему часть доходов. Юридически врачи-вольноотпущенники оставались зависимыми от рабовладельцев, и римское общество долгое время относилось к ним с некоторым презрением. Известно подобное отношение к этим людям и со стороны знаменитого римского врача, свободного и знатного по происхождению грека, Галена (129 — ок. 200 н.э.) [2].

Сотни надписей, найденных в разных местах империи, свидетельствуют о врачах-вольноотпущенниках, некоторые из них были очень богаты, и они делали взносы на благо родных городов, в которых и были увековечены в памятных надписях и статуях [10].

На границе между III и II веками до н.э. свободные греческие врачи сделали, по-видимому, первую попытку поселиться в Риме. Римский ученый-энциклопедист Плиний Старший рассказывает, что в 219 году некий Архагат (в переводе «хорошее начало») прибыл в Рим и с восторгом был принят народом; это был первый греческий врач, начавший заниматься в Риме частной практикой. Ему были даны права римского гражданства и собственная приемная, купленная на общественные деньги. В благодарность за его врачебную деятельность римляне прозвали его «целителем ран». Вскоре, однако, настроение римлян измени-

лось; жестокие прижигания и операции, которые он производил, так подействовали на римлян, что они прозвали его «живодером» и отказались от его услуг. Медицинское искусство подпало под общее презрение, вместе со всеми врачами-греками. Архагат вернулся в Лаконию, «оставив медицине заслуженную дурную репутацию», и, согласно Плинию она сохранилась до его времен (I век до н.э.) [8].

Греческие врачи сталкивались в Риме с множеством трудностей и предубеждений, обусловленных устойчивой традицией римской медицины, отдающей приоритет в лечении главе римской семьи. Римляне рассматривали медицину, как область, отданную на откуп рабам и вольноотпущенникам.

Римлянин старой закалки считал греческих врачей инородцами, которые несут зло и разврат в Рим. Римляне обычно презрительно, свысока смотрели на профессии, которыми занимались греки. Греческая медицина считалась выражением изнеженности и роскоши. В одно и то же время в Риме по отношению к врачу присутствовал целый спектр эмоций — от абсолютного недоверия простого человека, до живого интереса аристократии к методам контрацепции, которые предлагала эллинистическая медицина. В глазах знатного римлянина труд за деньги унижал человека [13].

Та редкая похвала, которой врач удостоивался в немедицинской литературе, помогает понять особенность социального положения римского врача. Величайший римский политический деятель, оратор и философ Цицерон (106–43 до н.э.) горюет о смерти своего врача Асклапона (свободного человека) и своего раба Алексисона не столько потому, что они были хорошими врачами, сколько потому, что он лишился их человеческого участия и приятного общения⁴. Похвальное слово медицине Цицерона имеет весьма существенные оговорки по ходу речи, хотя он и называет медицину «свободным и благородным искусством». В самом деле, это искусство благородно, но только по сравнению с работой сборщиков податей, плотников, поваров и танцоров — она ниже риторики, политики, агрономии, и подобает «только соответствующему социальному классу». К этому классу, разумеется, Цицерон себя не относил.

³ Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М.: Наука; 1969.

⁴ Письмо к Атику, XV, 1a.i; Письмо к близким, XII, 20. Письма Марка Туллия Цицерона к Атику, близким, брату Квинту, М. Бруту. В 3 т. Перевод и комментарии В. О. Горенштейна. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР; 1949–1951.

Римский философ-стоик, поэт и государственный деятель Сенека (4 до н.э. — 65 н.э.) говорит о том, какими качествами должен обладать врач, рассказывая о своей дружбе со своим врачом. «Так как они становятся нашими друзьями, будучи и врачом, и учителем, то мы обязаны им, не только из-за их искусства, которое они продают за деньги, но за их доброту и дружелюбие по отношению к нам»⁵. Врач, который просто «делает свое дело», всего лишь прибывает по вызову пациента, щупает пульс и дает советы о том, что делать, а чего избегать. Сенека пишет о таком враче: «Я не должен ему ничего более» (то есть, ничего сверх платы).

Многие римляне, особенно те, у которых было острое чувство римского величия и сожаление об исчезновении «старинных добродетелей» (патриотизм, простота, чувство долга, высокая нравственность и т.д.), считали иностранцев, особенно греков, развращенными и подрывающими основные принципы, на которых, как они полагали, покоилось величие Рима. Это способствовало тому, что во II веке до н.э. усиливающееся влияние греческой культуры и греческого образования вызвало среди националистически настроенных римлян сильную реакцию отторжения. Об этом говорит появление таких людей, как Катон, которые самым энергичным образом и не без успеха боролись с греческим влиянием.

Однако, по словам Квинта Горация Флакка, римского поэта (65–8 до н.э.), «завоеванная Греция взяла дикаря победителя в плен и ввела искусство в Лациум»⁶. Хотя Римская государственная идеология возводила «*mos maiorum*» («нравы предков») в ранг высшей ценности, греческая культура в силу своего превосходства заставила Рим добровольно принять ее парадигмы⁷.

Несомненно, самым влиятельным приезжим врачом Рима времен поздней республики был Асклепиад из Вифинии (ок. 128–56 до н.э.). Дальнейшее развитие врачебного искусства у римлян самым тесным образом связано с медицинкой школой, основоположником которой он был. Сначала он занимался риторикой и философией, затем перешел к медицине и около

90 г. до н.э. переселился в Рим. Здесь он сумел найти доступ к таким высокопоставленным людям, как, знаменитый римский политический деятель и полководец Марк Антоний (ок. 83–30 до н.э.) и римский юрист и государственный деятель Квинт Муций (140–82 до н.э.), в дальнейшем завоевав расположение всего римского общества. Римский полководец и политический деятель Марк Лициний Красс (115–53 до н.э.) отмечал, что имел удовольствие пользоваться его услугами как друга и врача во времена, когда Асклепиад начинал свою карьеру в Риме и побеждал своих соперников — врачей своим красноречием, а в первую очередь — своими знаниями. Успех Асклепиада зависел, прежде всего, от того, что на место традиционной терапии с самыми различными мероприятиями и массой лекарств он ввел по возможности простое и «согласное с природой» лечение. Своей доступностью эта терапия импонировала массам; с другой стороны, он дал своей терапии теоретическое обоснование, основанное на движении частиц-онков и «стремлении к тонкому»⁸. Его принцип «лечить быстро, безопасно, приятно» легко нашел отклик среди римских пациентов [12, 14].

Плиний объясняет его успех легковерностью римских пациентов и силой его риторики, другие, в частности древнеримский ученый-энциклопедист Цельс (ок. 25 до н.э. — ок. 50 н.э.), и врач-писатель Целий Аврелиан (V в.), говорят о нем более уважительно. В Асклепиаде греческая медицина в Риме обрела самого своего первого выдающегося представителя. Он писал по-гречески, хотя обращался преимущественно к римской аудитории, и его таланты были признаны, несмотря на языковой барьер. Деятельность Асклепиада в Риме знаменует процесс успешного восприятия греческой медицины Римом [6, 7, 8].

Пример Асклепиада, безусловно, вдохновлял врачей со всего Средиземноморья (из Сицилии, Эпира, Сирии) ехать в Рим и Италию — искать свое счастье. Рим представлял заманчивую цель для свободных жителей оккупированных Римом территорий, которые порой шли даже на различные авантюры, для того, чтобы поселиться в Вечном Городе, где их могла ожидать удача, с которой рука об руку шло

⁵ Луций Анней Сенека. О благодеяниях. (De beneficiis). Кн. IV, гл. 16–17. Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М.; 1995.

⁶ Лациум (Latium), древняя область в средней Италии, населенная латинами, центр древнейшего периода римской истории.

⁷ Аверинцев С. С. Несколько мыслей о «евразийстве» Н. С. Трубецкого. Новый Мир. 2003; N 2: 137–149.

⁸ Традиционно Асклепиад считается последователем философии Эпикура, однако в своей монографии Vallance [14] доказывает, что философская концепция, лежавшая в основе медицины Асклепиада, является оригинальной и философски самостоятельной, показывая незаурядный философский ум Асклепиада Вифинского.

богатство и даже возможность получить римское гражданство, то есть стать частью элиты в новообразованной империи. Среди этих добровольных мигрантов было много врачей. Наиболее известные врачи были «peregrini», то есть переселенцами с эллинистического Востока. Харикл, врач Тиберия (42 до н.э. — 37 н.э.), был свободный иммигрант, как и Стерций Ксенофан с Коса и его брат при императоре Клавдии (10. до н.э. — 54 н.э.), Андромах Критянин при Нероне (37–68 н.э.), Соран Эфесский (98–138 н.э.), наконец, Гален во II веке н.э. Приход греческой медицины в Рим формирует еще одно широкое явление — урбанизацию, в особенности рост Рима; из небольшого города (около 300 г. до н.э.) до огромного метрополиса (к 100 г. до н.э.), когда его население насчитывало до одного миллиона человек, что было огромным по тем временам. По мере превращения Рима из обычного города, каким он был вначале, в мировую столицу, потребность во врачебной помощи становилась все более и более ощутимой, и с начала I века до н.э. свободные врачи греческого происхождения начинают поселяться в Риме. Вероятно, быстрый рост населения был одной из причин того, что рабам в Риме разрешалось заниматься медицинской (в отличие от Греции) [9, 11].

Эта возможность была ими использована, и, если еще в начале I века почти все римские врачи носили греческие фамилии, то в последнем десятилетии этого века среди врачей встречается уже много римлян.

Социальный статус врача был различен. Хотя основная масса римлян не признавала греческих врачей, тем не менее, они в значительном количестве практиковали в домах римских аристократов периода поздней республики и империи. Личные врачи императора и его окружения — характерная черта такого статуса врача в ранней Римской империи [11].

Время от времени врачи выступали и как важные политические фигуры, которые могли достигнуть значительных высот власти. Грек Критон, врач, сопровождавший императора Траяна (98–117 н.э.) в его военных компаниях против Дакии, за успешное проведение этой кампании пользовался, как пишет историк II–III вв. Кассий Дион, большим почетом. Интересен пример Л. Геллия Максима, друга Каракаллы (186–217 н.э.). Он был архиатром и сыном врача из Эфеса, и совершил неудачную попытку захватить императорскую власть, будучи легатом Четвертого (Скифского) Легиона, располагавшегося в Сирии. Он был казнен в 219 году. Геллий был одним из группы, имевшей полити-

ческий вес в Эфесе и Антиохии. Эта группа покровительствовала искусствам и имела негласную поддержку Пергама и его знаменитого Музея. Врачи, входившие в эту группу, не только преследовали политические цели, но и были главами семей, гордившихся своими философскими и научными познаниями, и их влияние в Антиохии длилось достаточно долго. В IV веке один из врачей Дор (Dorus) сделал попытку прорваться к власти в Риме. Первоначально он был врачом *scutarii* (скутариев)⁹ и, через ряд последовательных повышений, дослужился до начальника ночной римской стражи, которая охраняла общественные здания и монументы. Он был в фаворе у Магненция, императора Западной Римской империи в 350–353 гг., и принял участие в одной из интриг, взволновавших город [13].

Военные врачи. Много врачей требовала римская армия, проводившая обширные завоевательные походы. Начиная с первого диктатора Люция Корнелия Суллы (138–78 до н.э.), правление римских императоров носило ярко выраженный военный характер и опиралось на армию. Общее число воинов во времена Августа колебалось от 250 до 300 тыс. человек. Военные врачи имелись во всех подразделениях (легионах, когортах, алариях (римской коннице) и во всех родах войск: в каждой когорте было четыре врача-хирурга; во флоте на каждом военном корабле, было по одному врачу. Примерно со II века до н.э. римляне стали устраивать военные госпитали для раненых и больных — валетудинарии, в штате которых, естественно, были врачи.

Возможно, в этот период было установлено государственное жалованье и наиболее удачливые врачи могли его получать, а законы поздней империи сохранили эту традицию.

Врачи на государственной службе. В городах и отдельных провинциях стали учреждаться оплачиваемые должности врачей — архиатров (греч. «archiatros» — «верховный» врач, от греч. «arche» — начало, «iatros» — врач). При дворе императора служили «archiatri palatini», первым императорским архиатром в Риме считается Ксенофон (I в.н. э.) — личный врач императора Клавдия, которого Клавдий представлял, как уроженца о. Кос и потомка легендарного Эскулапа (Асклепия). Врачи на государственной службе в провинциях назывались «archiatri provinciales», в городах — «archiatri populares». Этих врачей выбирал городской со-

⁹ Скутарии — основной род войск, пехотинцы, образующие щитовой строй, аналог римских легионеров.

вет, состоящий из не-врачей, потенциальных пациентов, они находились под контролем городских властей и центрального правительства, которые строго следили за их выборами и назначением. Процедура выборов напоминала строгий экзамен; после него врач получал звание «*Medicus a Republica probatus*» («Врач, утвержденный государством»). Существовала серия постановлений, определяющих критерии, на основе которых городские советы осуществляли свой выбор. Среди них были «высокая нравственность и навык в своем искусстве». Также члены совета предостерегались от того, чтобы делать выбор «из страха или предпочтения». Архиатры работали при объединениях ремесленников, в банях, театрах, цирках и т.д. Они имели постоянное жалование, но могли заниматься и частной практикой [10]. выдающийся врач Древнего мира Гален, грек по происхождению, в молодые годы в течение ряда лет работал врачом в школе гладиаторов в Пергаме.

Прием кандидата на пост городского врача давало потенциальным пациентам возможность пригласиться к своему будущему врачу, а почетные декреты, которые часто издавались, могли расцениваться, как признание заслуг. Но было много других врачей, которые не проходили собеседование подобного рода, или никогда не становились соискателями на эту должность.

Римские аристократы вполне понимали разницу между тем, что могла представить в их распоряжение эллинистическая медицина и что — врач-*medicus*, как называли римляне врача, практиковавшего среди простонародья. Врачи, в основном греческого происхождения, знакомые с медицинскими эллинистическими теориями обслуживали более влиятельную публику. Основную же часть населения городов пользовались *medici*, имевшие практический навык в своем деле и бывшие на положении ремесленников. Таким образом, в Риме лишь небольшое число обеспеченных людей могло пользоваться настоящей врачебной помощью, тогда как масса населения этой помощи была лишена. Остатки обычного права относительно врачей в городах Римской империи говорят о том, что классовое разделение среди них отмечалось еще в ранней империи; по-видимому, выплата жалования врачам осуществлялась согласно их социальному статусу [13].

Социальное положение практикующего медика, было, по-видимому, не очень высоким: судя по эпитафиям, многие умирали в бедности. Не слишком образованные *medici* исполь-

зовали в своей практике в основном традиционные средства народной медицины. Обычно врач осматривал больного, ставил пластырь и делал клизму. Отмечая невежество римских врачей, Гален говорил, что часть из них даже не умеет читать, а другие, ограниченные в познаниях геометрии и диалектики, ничего не могут понять в его медицинских книгах, тем более применить написанное на практике. Засилье в медицине рабов и шарлатанов стало настоящим бедствием во времена Галена, хотя, вполне возможно, что он преувеличивал [9].

Были врачи, буквально вылавливавшие пациентов на улице и бравшие за лечение умеренную и низкую плату, но существовали и «модные» врачи, требовавшие за консультацию по несколько сотен сестерциев. Нередки были и откровенные шарлатаны, охотно рассуждавшие на медицинские темы. В дорогих одеждах и богатых украшениях являлись они к патрону, увешанные медицинскими инструментами, о применении которых имели весьма смутное представление. Борясь за клиентуру, они часто прямо на площади устраивали импровизированные «ученые» чтения, желая потрясти городскую толпу. Последователь методической школы Фессал Тралльский, греческий врач-авантюрист (которого вместе с его учениками Гален называл «фессаловыми осликами»), достиг небывалой известности в Риме в I веке н.э. Он называл себя «иатроник» — «победитель врачей», и брался обучить искусству медицины за полгода, привлекая, таким образом, множество людей, особенно домашних рабов, которых охотно отдавали в обучение, чтобы иметь в хозяйстве собственного медика.

Итак, среди римских врачей периода Империи были люди, свободные и рабского происхождения. Самые смелые врачи не боялись сложного и полного опасностей мира большой политики и армии, так как славу и богатство, как правило, приносили вещи иные, чем профессия врача. Врач-политик, врач-философ, *servus medicus* и домашний врач-раб сосуществовали в одну и ту же эпоху, и никому не приходило в голову, что их функции могут хоть как-то пересекаться. Особую группу в период с конца I по IV век представляли врачи-христиане, в числе которых был Лука (I в. н.э.), образованный врач, спутник апостола Павла, евангелист и историк, Кесарий (331–369 н.э.) брат Григория Богослова, архиатр Нового Рима.

Все эти люди не формировали некую группу с четкими границами и четким статусом, репутацией и мировоззрением. Одной из главных причин этой размытости границ, несомненно,

было отсутствие какого бы то ни было юридического критерия, определяющего, кого можно было называть врачом. Некоторые античные авторы, говоря о «врачебной» или «медицинской» профессии, пытались изложить общие принципы поведения. Римский государственный деятель и военачальник Луций Корнелий Сулла (138–78 до н.э.) попытался было возложить на врачей ответственность в случаях нерадения или невежества, и издал закон, по которому врач за дурное лечение подвергался изгнанию и даже смерти. Но этот закон остался без применения. Также оставались без внимания и другие требования, чему не последней причиной было полное отсутствие большинства из тех институций, которые в наше время поддерживают высокое представление о профессии врача. Только в отношении двух пунктов — налогообложения и государственного жалования — можно найти следы определенной системы проверки, которая позволяла отличить «настоящего» врача от «ненастоящего» [9].

Даже самое широкое определение врача, как человека, предлагающего излечить болезнь за деньги, не исключало того, что при этом он не занимался одновременно чем-либо иным, приносящим прибыль. Хотя закон, особенно в Риме, определял некоторые медицинские практики, как «незаконные» — отравление, изготовление привораживающих зелий, совершение кастрации — все равно этот закон не говорил, кого, собственно, можно называть врачом. Например, постановление юриста Ульпиана (170–228 н.э.) перечисляет тех, кто имеет право брать плату за медицинские услуги и включает в их число специалистов по лечению ушей, фистул, зубов, а также повитух, «которые показали наличие у них медицинских знаний». Но он явственно проводит разделительную черту между этими врачевателями, и теми, кто, использует заговоры, наведение порчи и экзорцизм, «даже если некоторые говорят, что это лечение им помогло». По его определению, врач (*medicus*) — это тот, кто использует физические методы для лечения своих пациентов, хотя в то же самое время он вынужден признать, что излечение может быть достигнуто другими путями, и что люди, заинтересованные не в способе лечения, а в его результате, могли проводить эту разделительную черту иначе.

Несомненно, что существовал некий водораздел между теми, кого называли (или кто называл себя) врачами (*iatroi* или *medici*) и теми, кто этого не делал, все зависело от индивиду-

ального выбора и конкретной ситуации. Имело значение, кому оно принадлежало: врачу столичному или из Британии, из поселений долины Нила или из горных селений Малой Азии. Как писал около 50 года н.э. иудейско-эллинистический религиозный философ Филон Александрийский (ок. 25 до н.э. — ок. 50 н.э.): «В медицине есть те, которые знают почти все, что касается лечения болей, болезней и страдания, но кто не может дать сколько-нибудь удовлетворительного объяснения [таким состояниям]. С другой стороны, есть и те, кто прекрасно распознает симптомы болезни, причины и виды лечения, — что, собственно, и составляет искусство медицины, но совершенно не способны ни вылечить больного, ни помочь ему хоть на йоту приблизиться к выздоровлению» [6].

Таким образом, именование «врач» ни в коей мере не гарантировало компетентность. Профессиональный уровень тех, кто в античном мире оказывал медицинскую помощь, был неодинаков.

Отсутствие в истории Рима систематического врачебного образования также затрудняло четкое различие между лекарем и врачом. Единственным критерием мог служить опыт. Обучающий наставлял учеников либо у постели больного, либо читая лекции в своем заведении. В практических целях, можно дать определение лекаря, как человека, который имеет некоторые практические познания в медицине (например, как удалять зубы или вправлять переломы), но у которого, в отличие от врача, имеющего теоретическое образование, отсутствует базовое образование. Медицина входила в круг среднего образования, а риторика и софистика — высшего, при этом медицина не была обязательной дисциплиной, хотя ее изучение было частью хорошего образования. Вместе с геометрией, астрономией, математикой, теорией музыки она составляла «*enkyklos paideia*» — общее образование.

Знающий врач очень ценился в Риме. Он должен был разбираться в анатомии и физиологии, а также знать фармакологию. По мнению Галена, знание анатомии для врача необходимо, но, чтобы знать анатомию, нужно препарировать высших животных, таких, как обезьяны. Вскрытия людей, согласно требованиям античной языческой религии, были запрещены. Однако и анатомирование животных было весьма редким явлением в Риме того времени. Эмпирики считали анатомирование излишним, и, по их мнению, достаточно было сведений, почерпнутых из руководств. На анатомировании

животных настаивали лишь немногие приверженцы догматического направления или врачи вроде Галена. Для этих целей обычно использовали кроликов и свиней, а также особый вид обезьян (бесхвостых макаков) [7].

Врачи эллинистической культуры происходили из всего широчайшего спектра классов общества, от рабов до друзей римских императоров, и мы можем лишь гадать, о том, получило ли большинство этих людей образование подобное тому, которое получил Гален, который похвалялся своим философским образованием так же часто, как и медицинским.

Когда настоящие врачи были поставлены на одну доску с риториками, учителями, адвокатами и землемерами, то впервые в Риме возникло врачебное сословие в собственном смысле слова. Понадобилось, однако, еще несколько столетий, прежде чем государство создало определенные нормы, регулирующие врачебный труд.

В Римской республике стали проявляться элементы государственной регламентации медицинского дела, которые закреплялись и утверждались в период империи. Греческая медицина получила признание в столице Римской республики при Цезаре и Августе, которые поддерживали распространение эллинистической медицины в Риме.

Важной вехой в этом отношении явился эдикт (указ) Юлия Цезаря (100–44 до н. э.), который в 46 году до н. э. давал всем свободным иностранным врачам — выходцам из Греции, Малой Азии, Египта и других провинций государства, занимавшимся врачебной практикой в Риме, право римского гражданства, а вместе с тем возможность заниматься своей профессией совершенно свободно, подобно всякому свободному римлянину. Также и римляне, желавшие посвятить себя врачебной профессии, получили большую возможность учиться врачебному искусству. Римский историк и писатель Светоний Гай Транквилл (ок. 70–122 н. э.)¹⁰ сообщает, что Юлий Цезарь даровал римское гражданство всем, кто занимался медициной или учил свободным искусствам («*liberalium artium doctores*») в Риме, чтобы побудить их жить в Городе и чтобы другие возжелали это сделать. С этого указа начинается история римской медицины в собственном смысле слова.

Ко времени правления его преемника Августа (27 до н. э. — 14 н. э.) относится частично сохранившийся декрет от 30-х годов до н. э., зафиксировавший существование некоего дру-

гого декрета относительно налоговой неприкосновенности и освобождения от воинской повинности всех врачей Римской империи. Светоний писал, что император Август изгнал из Рима в связи со страшным голодом всех иностранцев, кроме врачей и учителей. Это была существенная привилегия, так как в ней был заключен новый, более высокий правовой статус, а так же свобода от общественных сборов (литургий) в родном городе врача.

Римский император Веспасиан (9–79 н. э.), в 74 году, а позже, император Адриан (76–138 н. э.) подтвердили предыдущее освобождение врачей от налогообложения и военной службы, наряду с риториками, философами, грамматиками (эта обязанность входила в часть налога на отцовское наследство). Данные привилегии были введены для того, чтобы гарантировать в крупных городах достаточную медицинскую помощь.

Частично сохранившийся эдикт Веспасиана (69–79 н. э.) на греческом языке с рескриптом Домициана (51–96 г. н. э.) на латинском, говорит о наделении привилегиями врачей — они были освобождены от денежных податей, от обязанностей предоставлять приют (постоя); им была гарантирована защита от *iniuria*¹¹ и корпоративное право. Надпись была найдена в Пергаме и тем самым предназначалась для провинции Азии, но можно полагать, что подобные эдикты были разосланы во все императорские провинции и что сенатские провинции соотносились с тем же законодательством.

В эдикте Веспасиана речь идет только о привилегиях, предоставляемых врачам и учителям, а не об их жаловании. Но если судить об этом по тому, что Страбон говорил о галльских городах вокруг Марсея во времена Тиберия, и на основании письма Плиния Младшего (прибл. 61–113 н. э.), можно сделать вывод, что в I веке н. э. некоторые врачи и учителя получали государственное жалованье во многих городах Римской Империи.

Судя по эдикту римского императора Домициана (51–96 н. э.), он считал, что профессия врача подверглась унижению из-за того, что в нее принято много рабов, и что врачи слишком жадны до денег, которые им платят за то, чтобы они обучали рабов медицине. Поэтому он запретил им принимать рабов в ученики, то есть учить их на врачей за плату.

¹⁰ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Кн. 1. Божественный Юлий. М.: Наука; 1993.

¹¹ *Iniuria* — (римский правовой термин) противоправное посягательство на личность, неправомерное действие, в специальном смысле — личная обида.

Вопросы, касающиеся привилегий врачей и учителей, детально разрабатывал император Антонин Пий (86–161 н. э.), преемник Адриана. По его решению, возможно, в начале 40-х годов II века налоговая свобода врачей была ограничена. Он позволил каждому городу, в зависимости от его статуса, иметь пять, семь или десять освобожденных от налогов врачей. Даже самый большой город не мог предоставить льготы за пределами числа врачей и учителей, которое мог пригласить город, Антонин Пий, по-видимому, ввел «*numerus clauses*» (ограниченное число) врачей, чтобы сократить расход городских финансов, уменьшив число лиц, пользующихся правом быть на муниципальном жаловании. В сохранившихся установлениях императора Луция Аврелия Коммода (161–192 н. э.) есть отрывок из письма Антонина Пия, в котором перечисляются привилегии врачей: «Так же, как его предшественник, мой божественный отец (речь идет об Адриане), как только начал править, подтвердил эдиктом уже существующие почести и привилегии, написав, что философы, ритори, грамматик и врачи были освобождены от повинностей: управлять гимнасием, надзирать за рынками, от жреческих обязанностей, от постоя, от забот по обеспечению города пшеницей и маслом; они не обязаны судить, не могут ни быть отправлены в качестве послов, ни против их воли записаны в армию, не могут быть принуждены выполнять какую-либо обязанность в провинции, ни любую иную»¹² [1]. Римский юрист и государственный деятель III века Модестин, комментируя этот текст, писал: «Но следует также знать, что каждый пользуется этой привилегией, леча и учительствуя в своем собственном городе. Но если уроженец Команы преподаёт риторику или лечит в Неокесарии, у него нет привилегий в Комане. Это было установлено божественными Северами (то есть Септимием Севером, Каракаллой, Гелиогабалом и Александром Севером) и Антонином».

Благодаря этому тексту видно, что в каждом городе Римской Империи существовала группа служащих, учителей и врачей, но количество членов этой группы не было неизменным: если они плохо справлялись со своими обязанностями, они могли быть уволены.

Александр Север (208–235) установил жалование «риторам, грамматикам, врачам, гарусникам, математикам, механикам и архитекторам» и государственные субсидии малоимущим студентам.

Первый римский христианский император Константин Великий (ок. 285–337 н. э.) издал декрет о том, чтобы учителя и врачи не облагались налогами и другими повинностями. «Ремесленники, живущие в городах, освобождаются от всех повинностей, так как для изучения ремесла требуется досуг, тем более что они желают и сами усовершенствоваться, и обучать своих сыновей. Перечень таков: архитекторы, врачи, ветеринары, живописцы, скульпторы...» (далее перечисляются еще 33 профессии ремесленников) [1]. Важно отметить, что врачи и ветеринары в этом ряду стоят в числе первых.

Император Юлиан Отступник (331–363 н. э.) отменил многие льготы, но оставил их для врачей, и подтвердил льготы, данные врачам предшествующими императорами. Номос (эдикт) о врачах от 12 Мая 362 года — последний законодательный акт, который он издал, прежде чем уехать из Константинополя на роковую для него войну с персами, признавал значение медицины: «То, что медицинское знание спасительно для рода человеческого, явно известно по опыту. Поэтому правы сыны философов, провозглашая, что знание это имеет небесное происхождение. Ибо с его помощью преодолеваются как слабость нашей природы, так и беды, нападающие на нас. Поэтому в согласии с разумом и справедливостью, мы постановляем, в соответствии с актами предшествующих императоров и нашим благоволением, чтобы вы (т. е. врачи) в будущем могли жить, будучи свободными от бремени, подобно сенаторам»¹³.

В 438 году при императоре Восточной Римской империи Феодосии II Младшем (408–450 н. э.) был издан так называемый кодекс Феодосия¹⁴, собравший воедино все императорские постановления начиная с 312 года. Там декларировалось освобождение врачей от всех общественных повинностей на всю жизнь: «Врачи и учителя по всем предметам, которые

¹² Здесь и далее цитирование по: Адо И. Свободные искусства и философия в античной мысли [Пер. с фр. Е. Ф. Шичалиной]. М.: Греко-латинский кабинет (ГЛК); 2002.

¹³ Julian. Vol. III, Letters, 31. Translated by W.C. Wright. The Loeb Classical Library. London: Heinemann; 1923: 106–109.

¹⁴ Кодекс Феодосия (Codex Theodosianus), первый официальный сборник распоряжений римских императоров с начала 4 в., составлен в 435 комиссией из 16 юристов, назначенной восточно-римским императором Феодосием II (опубликован 15 февраля 438).

живут в городах и в предместье, освобождают-ся от всякой подати, именно: они не платят ни подушную подать, ни хрисаргир¹⁵, их нельзя принуждать быть попечителями сирот или кураторами, так как врачи врачуют тела, а ученые — души»

В эпоху Империи стал складываться принцип цены на рабов в зависимости от их квалификации, который позже был закреплен в «Кодексе Юстиниана» (534 н.э.), так, цена на раба-врача была в три раза выше, чем на необученного раба. Юристы в VI веке все еще определяли цену за раба, который отлично обучен медицине, спустя столетия после того, как сохранилось письменное свидетельство о последнем враче-рабе.

Таким образом, юриспруденция античности оставила в наследие Средним векам многие из идей в регламентации медицинской деятельности. Считается, что такими декретами государство пыталось упрочить свои позиции, опираясь на определенные прослойки. Это очень маловероятно, потому что такие декреты принимались во времена, когда государство не было под угрозой нестабильности, например, во времена Цезаря и Августа. Кроме того, эти привилегии давались и другим группам населения (риторам, грамматикам). Вряд ли эти прослойки упрочивали стабильность Рима.

В 358 году н.э. было создано такое элитное учреждение, как Коллегия врачей в Риме, избрание в которую врачи проводили в своей среде. Такое создание группы врачей, пользующихся особыми привилегиями, оставляло за бортом других, которые обладали таким же уровнем мастерства. Это особенно вероятно, если принять во внимание то, что целью Антонина Пия было увеличить число лиц, которые были обязаны принимать участие в «литургиях». Возможно, у не вошедших в эти списки оставались некоторые привилегии — по кодексам законов можно проследить постоянную, на протяжении последующих четырех веков, борьбу этих ущемленных врачей — борьбу за то, чтобы удержать то малое, что им оставалось. А в это время их более удачливые собратья получали все новые и новые льготы, уважение и власть.

Но остается открытым вопрос: принимали ли в коллегии только люди богатые, или же, как то было в средневековой Флоренции, в нее мог вступить любой врач, остается откры-

тым. Когда в 7 году н.э. множество врачей Александрии собрались, чтобы почтить архитектора Кая Прокулия Темисона возведением статуи, неизвестно, включала ли эта группа всех хирургов, массажистов и других лекарей, толпившихся на улочках города, или она была более ограниченным образованием. Хотя можно догадываться, что только образованный и успешный врач мог стать членом такого собрания. В то же время, возможно, что богатые и власть имущие люди составляли только ее верхушку, а неизбежная предвзятость эпиграфических данных по отношению к людям богатым лишила нас информации о членах общества, имевших меньший вес. Несомненно, в Риме в ежегодном празднике в честь Минервы, называемом «Квинкватрии», длившемся с 19 по 23 марта, принимало участие большое количество людей, занимавшихся медицинской деятельностью. В процессии по городу шли ткачи, сукновалы, красильщики, сапожники, врачи, учителя, художники, гравировщики [9].

Это публичное подтверждение членства в профессиональной группе помогало определить тем, кто наблюдал процессию, или читал результаты врачебных состязаний, кто мог быть назван врачом, *medicus*. Однако это не мешало другим, не относящимся к этим группам, предлагать свои услуги или также называть себя врачами (*medici*).

Таким образом, отношение к медицине и к носителям медицинских знаний в Древнем Риме представляло собой уникальное явление, отличающееся от стран окружающих и покоренных римскими завоеваниями. Например, в Греции, стране, оказавшей огромное влияние на становление медицины и медицинской профессии в Риме, важная социальная роль личного здоровья свободного жителя полиса придавала медицинскому искусству общегосударственное значение. Медицинская профессия в Греции пользовалась особым вниманием со стороны полиса, врач был одним из самых благородных социальных типов. Его деятельность представляла собой нечто гораздо большее, чем просто механическое врачевание: врач обладал моральным авторитетом, от него ждали и психологической помощи.

В Риме же положение врача было обусловлено историческими, культурными и военно-политическими детерминантами развития периода республики и империи, а также связано с традициями римской сельскохозяйственной медицины, отличиями в теоретических подходах и акцентах в медицине, в очень раз-

¹⁵ Тяжелый денежный налог на горожан, собиравшийся исключительно золотом и серебром.

ных правовых и социальных структурах медицинского сообщества. Здесь врачам потребовалось много времени и усилий, чтобы наряду с учителями занять положение, ограждающее их от негативизма населения. Однако приблизиться к положению врача в других странах удавалось немногим счастливым. Отголоски подобного отношения со стороны населения и юристов врачи испытывали еще в средневековой Италии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адо И. Свободные искусства и философия в античной мысли. М.: Греко-латинский кабинет (ГЛК); 2002.
2. Балалыкин Д. А., Шок Н. П., Щеглов А. П. Гален: врач и философ. М.: Весть; 2014.
3. Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М.: Наука; 1983.
4. Голубцова Е. С., ред. Культура Древнего Рима. В 2 т. М.: Наука; 1985.
5. Джарман О. А. Микиртичан Г. Л. Судьба детей-подкидышей в античном мире. Медицина и организация здравоохранения. 2018; 3 (1): 49–59.
6. Ковнер С. Г. История древней медицины. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира; 1888.
7. Мейер-Штейнег Т. История медицины. М.: Государственное издательство; 1925.
8. Сорокина, Т. С. История медицины. В 2 т. 13-е издание. М.: Академия; 2018.
9. Nutton V. Ancient Medicine. London and New York: Routledge; 2004.
10. Nutton V. Archiatroi and the Medical Profession in Antiquity. Papers of the British School at Rome. 1977; № 45: 191–226
11. Porter R. The Greatest Benefit to Mankind: A Medical History of Humanity from Antiquity to the Present. London: Harper Collins; 1997.
12. Rawson E. The Life and Death of Asclepiades of Bithynia. Classical Quarterly. 1982; N 32: 358–370.
13. Scarborough J. Roman Medicine (Aspects of Greek and Roman Life). NY: Thames & Hudson Ltd; 1976.
14. Vallance J. T. The Lost Theory of Asclepiades of Bithynia. Oxford: Clarendon Press; 1990.

REFERENCES

1. Ado I. Svobodnye iskusstva i filosofiya v antichnoy mysli. [Artes liberales and philosophy in Greco-Roman thought]. M.: Greko-latinskiy kabinet (GLK); 2002. (in Russian).
2. Balalykin D. A., Shok N. P., Shcheglov A. P. Galen: vrach i filosof. [Galen as physician and philosopher]. M.: Vest'; 2014. (in Russian).
3. Blavatskaya T. V. Iz istorii grecheskoy intelligentsii ellinisticheskogo vremeni. [To the history of Greek intelligentsia of Hellenistic period]. M.: Nauka; 1983. (in Russian).
4. Golubtsova E. S., red. Kul'tura Drevnego Rima. V 2 t. [Culture of Ancient Rome. In two vols]. M.: Nauka; 1985. (in Russian).
5. Jarman O. A. Mikirtichan G. L. Sud'ba detey-podkidyshey v antichnom mire. [The fate of abandoned children in the Greco-Roman world]. Meditsina i organizatsiya zdravookhraneniya. 2018; 3 (1): 49–59. (in Russian).
6. Kovner S. G. Istoriya drevney meditsiny. [History of ancient medicine]. Kiev: Tip. Imp. Un-ta sv. Vladimira; 1888. (in Russian).
7. Meyer-Shteyneg T. Istoriya meditsiny. [History of medicine]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo; 1925. (in Russian).
8. Sorokina, T. S. Istoriya meditsiny. V 2 t. 13-e izdanie. [History of medicine. In two vols. 13th edition]. M.: Akademiya; 2018. (in Russian).
9. Nutton V. Ancient Medicine. London and New York: Routledge; 2004.
10. Nutton V. Archiatroi and the Medical Profession in Antiquity. Papers of the British School at Rome. 1977; № 45: 191–226
11. Porter R. The Greatest Benefit to Mankind: A Medical History of Humanity from Antiquity to the Present. London: Harper Collins; 1997.
12. Rawson E. The Life and Death of Asclepiades of Bithynia. Classical Quarterly. 1982; N 32: 358–370.
13. Scarborough J. Roman Medicine (Aspects of Greek and Roman Life). NY: Thames & Hudson Ltd; 1976.
14. Vallance J. T. The Lost Theory of Asclepiades of Bithynia. Oxford: Clarendon Press; 1990.